

АЛЛЕГОРИЯ СОСТРАДАНИЯ

Этот небольшой этюд – не литературная критика в чистом виде и не методические рекомендации о том, как писать (или делать) стихи. Владимир Маяковский когда-то гениально заметил: «Поэзия – вся! – езда в незнание». Природа поэтического творчества иррациональна, и полностью разгадать все его замыслы и тайны – задача невыполнимая. Но при желании можно увидеть те пути мастерства, которыми поэт идёт к индивидуальному воплощению и преображению окружающей действительности, проникнуть в глубины его мировидения, понять его язык. Одним словом, заглянуть в его творческую лабораторию. И лингвостилистический анализ стихотворений, изначально предполагающий их разъятие на тематику, проблематику и поэтику, нужен ради того, чтобы уметь прочитать каждое из них как живое целое, а не как простую сумму мёртвых «первоэлементов». Сегодня перед вами, уважаемые читатели, первый опыт такого прочтения одного стихотворения. Вот оно:

ПРОХОЖИЙ

*Стукнусь обессиленную птахой
В чьё-нибудь окошко наугад:
«Человек! Открой его без страха,
Протяни на помощь добрый взгляд.*

*Места нужно мне совсем немного,
Я ни пить не попрошу, ни есть.
Чуть согреюсь – и опять в дорогу,
Чтоб нести, нести благую весть*

О весне! Лишь отогрейте птаху,

*Я не отдыхала так давно...»
Но скользнули взглядом – и с размаху
Шторами задёрнули окно*

*Не взлететь... Срываюсь под окошко,
Крыльями обмёрзлыми звеня...
... Чьи же это добрые ладошки
Отогреть пытаются меня?*

* * *

Среди основных мотивов, эмоционально цементирующих всю лирику **Веры Грибниковой**, заметно выделяется мотив сострадания. Сострадания родному, другу, знакомому и просто неизвестному человеку, которому всего-то бывает нужно лишь несколько обыкновенных ободряющих слов. Очевидно, именно это и подвигло поэтессу на создание стихотворения «Прохожий», одного из самых удачных в её творчестве, где сконцентрировано обобщённое, я бы сказал, философское понимание сострадания, художественно воссозданное при помощи аллегории.

Первая строфа стихотворения безо всякого намёка на завязку сразу вбрасывает читателя в эпицентр события. Динамическая напряжённость заложена в самом первом слове – глаголе совершенного вида, обозначающего завершённость действия:

*Стукнусь обессиленную птахой
В чьё-нибудь окошко наугад:
«Человек! Открой его без страха,
Протяни на помощь добрый взгляд.*

Птаха – традиционный аллегорический образ, обладающий целым рядом значений, как в русской поэзии, так и в фольклоре. Здесь же он обогащён оригинальными авторскими ассоциациями и олицетворяет мироощущение

лирической героини, столкнувшейся с жизненными трудностями и остро нуждающейся в поддержке состраданием. Птаха обессилена не столько физически, сколько душевно, что подчёркивается сознательным нарушением лексической сочетаемости слов «протяни» и «взгляд», ведь протянуть можно скорее, руку, физически осязаемую, или, выражаясь фигурально, руку помощи. «Взгляд» сочетается с эпитетом «добрый», который, обладая вне контекста весьма малой степенью экспрессивности, усиливает в этих строках характер предполагаемого эмоционального отношения другого человека к объекту сострадания.

Духовный подтекст первой строфы становится ещё более очевидным, при её сопоставлении со второй:

*Места нужно мне совсем немного,
Я ни пить не попрошу, ни есть.
Чуть согреюсь – и опять в дорогу,
Чтоб нести, нести благую весть*

Скромность и бытовая оболочка просьбы о совершенно мизерной помощи, которая спасёт уставшую птицу, резко контрастирует с выполняемой ей высокой, даже священной (на что указывает известный библеизм) миссией «нести благую весть». В. Грибникова оригинально передала здесь чувство и динамику полёта сразу двумя средствами: лексическим повтором глагола «нести», во втором случае «утяжелённом» прямым дополнением «благую весть» и так называемым переносом, т. е. обрывом второй строфы на незаконченной фразе, заключительное слово которой открывает третью строфу:

*О весне! Лишь отогрейте птаху,
Я не отдыхала так давно...»*

Вот первая эмоциональная кульминационная точка стихотворения, выделенная помимо переноса восклицательным знаком. Теперь ясно, почему птаха стучится «чьё-нибудь окошко, наугад»: весть о наступающей весне действительно благая (сразу вспоминается крестьянское, фольклорное восприятие смены времён года) и напрямую адресована всем людям без исключе-

ния. Не случаен повтор глагола «отогреть», чей прямой и переносный смысл сливаются в едином целом лирический и эпический сюжеты «Прохожего». Многоточие в конце второй строки – словно по капле покидающие птицу жизненные силы. Однако результат уже не просьбы, а, скорее, мольбы о сострадании оказывается прямо противоположным ожидаемому:

*Но скользнули взглядом – и с размаху
Шторами задёрнули окно.*

Насколько точно подобраны здесь слова! Задёрнули шторы «с размаху», словно ударили. Эти шторы прячут бездушный быт, размеренный покой которого может разрушиться от соприкосновения с враждебными ему добротой, болью, потребностью сочувствия другому. И потому взглядом лишь «скользнули», не желая вникать в суть дела, а лишь решительно отгораживаясь от ненужного психологического раздражителя. Физическая и духовная безликость людей, бросивших птаху на произвол судьбы, акцентируется отсутствием в этом предложении подлежащих, что вместе с аллитерацией, основанной на трёхкратном использовании звуков «р» и «з», призвано закрепить в сознании читателя агрессивное бездушие мещанского мира.

Четвёртая строфа стихотворения представляет собой вторую кульминационную точку:

*Не взлететь... Срываюсь под окошко,
Крыльями обмёрзлыми звеня...
... Чьи же это добрые ладошки
Отогреть пытаются меня?*

Роль многоточий в строфе та же самая, а найденная лексика как нельзя лучше передаёт авторский замысел. Просторечное слово «обмёрзлые» означает «покрывшиеся льдом». Так перебрасывается ассоциативный мостик к метафоре «лёд души». И читатель вновь понимает, что бедную птаху в первую очередь заморозила не зима, а человеческое бездушие. Бессилие и отчаяние птицы передано на удивление негромкой лирической мелодией, своеобразными нотами которой являются неожиданные аллитерационные наход-

ки: сочетания сонорных, звонких и свистящих согласных, «ВЗЛ», «СРВ», «РЗЛ», «ЗВН».

Две заключительные строки стихотворения, на первый взгляд, оптимистичны: нашлись «*добрые ладошки*» и, значит, есть ещё тот, кто понимает, что без тепла – не только физического, но и, прежде всего, душевного – не обойдётся ни одно живое существо. Повторенный эпитет «*добрый*» связывает первую и последнюю строфы, что придаёт композиции стихотворения кольцевое оформление. Вместе с тем, финал «*Прохожего*» остаётся открытым. Будущее птицы неизвестно, поскольку «*добрые ладошки*» лишь «*пытаются*» отогреть умирающую птицу и неясно, сумеют ли. Такая щемящая концовка значительно повышает внутренний эмоциональный накал всего произведения, внешне не выраженный громкими, кричащими словами. В. Грибникова удачно передала высокий драматизм ситуации простым, лёгким слогом и обошлась минимумом образных средств.

Психологически напряжённая энергетика стихотворения поддерживается и рядом окказиональных антитез. Одна из них – индивидуализированное противопоставление слов «*окошко*» (первая и последняя строфы) и «*окно*» (третья строфа). Окошко приобретает положительную эмоциональную модификацию не столько за счёт уменьшительного суффикса, сколько своим соседством с эпитетом «*добрый*». Слову «*окно*» присущ ярко выраженный отрицательный оттенок, вследствие соответствующего содержания двух последних строк третьей строфы.

«*Прохожий*» написан пятистопным хореем с усечённой стопой в чётных строках – тем же размером, что и знаменитое стихотворение Михаила Лермонтова «*Выхожу один я на дорогу...*». Чередование мужских и женских клаузул уже на ритмическом уровне поддерживает всё то же чувство полёта. По наблюдениям видного современного филолога Михаила Гаспарова, в русской классической поэзии пятистопный хорей связан с темами жизненного пути и смерти, а также с жанром элегии, доминирующая черта которой – грусть. Не случайно жанр «*Прохожего*» именно элегия, хотя хорейская

схема ударений не выдержана строго ни в одной строфе. Эмоциональные перепады лирического и эпического сюжета совпадают со стопами пиррихия, не имеющими ударных слогов, например, в конце третьей строфы. Законы поэзии таковы, что выбранный автором стихотворный размер более или менее гармонично, но всегда соотносится с темой и настроением произведения. В органичном соответствии друг другу формальных и содержательных компонентов этой элегии и кроется, по нашему мнению, её благотворное эстетическое воздействие на читателя.